

— Заслуги Чжоу Муи, управляющей Управлением морской торговли Тайцана, мне известны, я их запомнила. Обсудим награды после того, как дело будет завершено.

Закончив, Императрица бросила взгляд на Линь Юйцзэ и протянула с ноткой иронии:

— Помнится, ты была весьма близка с управляющей Чжоу, даже лично сопровождала её к месту службы?

Линь Юйцзэ отложила в сторону доклад. С тех пор как Императрица перестала лично просматривать все бумаги, у неё появилось куда больше времени на посторонние вещи, например, на подобные проявления ревности.

— Госпожа Чжоу... то есть управляющая Чжоу, питала чувства к моему старшему брату. Но так как он уже женат на другой, она была глубоко уязвлена, и я лишь составила ей компанию, чтобы она могла развеяться.

В этот момент упомянуть Линь Юйчи было как нельзя кстати — это могло погасить любой пожар ревности.

— Твоего брата, Линь Юйчи?

Линь Юйцзэ кивнула.

Императрица, казалось, о чём-то задумалась и больше не стала расспрашивать о Чжоу Мие. Однако Линь Юйцзэ внезапно осенило: Императрица ведь знает, что Линь Юйчи влюблён в неё! Ну надо же было так оплошать.

Она продолжила молча изучать бумаги, когда услышала вопрос Императрицы:

— Твой брат... и Пятая принцесса, как они сейчас? Живут ли в согласии после свадьбы?

— Вполне сносно. Брат не гуляет на стороне, возвращается домой вовремя, и Пятая принцесса тоже... — Линь Юйцзэ не смогла договорить. Она не раз бывала в резиденции зятя и, если бы не видела, что Линь Юйчи совершенно равнодушен к принцессе, то была бы слепа.

На людях они вели себя как идеальные супруги, но на деле их отношения были холоднее, чем у простых знакомых. Когда Линь Юйцзэ приходила в гости, Линь Юйчи откладывал дела, чтобы поболтать с ней о пустяках. А когда они вдвоём сидели вместе, он порой подолгу смотрел на профиль принцессы, погруженный в свои мысли. Линь Юйцзэ не знала, замечает ли это сама принцесса.

Истинное несчастье.

Линь Юйцзэ закончила фразу:

— ...Пятая принцесса, можно сказать, получила то, чего желала.

Раз Императрица знала о чувствах Линь Юйчи, она прекрасно поняла скрытый смысл слов Линь Юйцзэ: брак принцессы с Линь Юйчи нельзя было назвать счастливым, скорее, это было исполнением заветного желания ценой собственного покоя.

Линь Юйцзэ не ожидала, что по возвращении в поместье получит известие из Дун-чана: Императрица вызвала Линь Юйчи наедине и осыпала его похвалами за усердие и успехи в Академии Ханьлинь. Но самое главное — Императрица обмолвилась, что хочет поскорее помянуть племянника.

Линь Юйцзэ едва не выронила кисть. Что задумала Цзян Ли?

Дни тянулись в противостоянии Линь Юйцзэ и Партии Дунлинь. Наступил конец девятнадцатого года правления Тайчан.

Благодаря тому, что Линь Юйцзэ полностью сняла запрет на набор евнухов, в столицу хлынул поток тех, кто только что пришел на службу, и тех, кто когда-то был отвергнут дворцом. Число евнухов в стране подскочило с десяти тысяч в начале восемнадцатого года до пятидесяти тысяч к концу девятнадцатого.

В сочетании с тем, что ряды Дун-чана пополнили многие агенты Цзиньивэй, влияние этой структуры начало стремительно расти.

В глазах окружающих Дун-чан стал догонять и перегонять некогда всемогущий Цзиньивэй. Особенно после того, как были назначены надзиратели за рудниками и сборщики налогов, влияние евнухов вышло далеко за пределы столицы.

Императрица, последовав совету Линь Юйцзэ, разослала по всей стране чиновников для контроля за сбором налогов и проверки отчетности, установив заставы на всех реках, дорогах и мостах.

Результат был заметным: государственная казна начала наполняться. Императрица незаметно для себя стала всё больше полагаться на Дун-чан, а если кто-то из евнухов на местах начинал злоупотреблять властью, она отправляла разбираться с ними Цзиньивэй.

В глазах придворных конфликт между Цзиньивэй и Дун-чаном только обострялся. Партия Дунлинь наблюдала за этим со стороны, надеясь, что Цзиньивэй будет окончательно раздавлен. Для них евнухи никогда не представляли серьезной угрозы, а вот Линь Юйцзэ была их главным врагом.

В местных администрациях участились случаи, когда чиновники объединялись с евнухами, чтобы вытеснить агентов Цзиньивэй. Узнав об этом, Линь Юйцзэ лишь усмехнулась: — Пока огонь не опалит их самих, они и правда верят, что находятся в безопасности на другом берегу.

Академия Дунлинь, пользуясь своим влиянием, критиковала государственную политику и нападала на Линь Юйцзэ. В сельских кабаках всё чаще звучали речи о том, что Линь Юйцзэ одурманивает разум правительницы и обманывает двор. Репутация Линь Юйцзэ среди мелкого и среднего дворянства стремительно падала.

Читая донесения из Дун-чана, Линь Юйцзэ была готова швырнуть бумаги в лица этих придворных из Партии Дунлинь. Кучка лицемерных ханжей, мнящих себя чистыми помыслами, не сделала ни одного доброго дела для страны, но смеет называть её злодейкой!

Народ в провинциях уже давно изнемогал под гнетом непосильных налогов, а эти господа каждый день просили Императрицу увеличить сборы в казну. Бесстыдники! У крестьян давно не осталось своей земли, её всю скупили местные помещики.

Наступила зима, борьба между Линь Юйцзэ и Партией Дунлинь достигла предела. Обнаружив, что фракции Ци, Чу, Чжэ, Сюань и Кунь объединились с Линь Юйцзэ, Партия Дунлинь сплотилась ещё сильнее. Они не только требовали отставки самой Линь Юйцзэ, но и преследовали всех чиновников, связанных с ней.

Ходили слухи, что в одной даосской святыне нашли камень, который случайно расколол крестьянин, и на нём проступил иероглиф «подлец». В другом месте поговаривали, что чиновник с севера привез в дар существо, похожее на цилиня, но оно внезапно издохло по прибытии в столицу.

Всё это якобы свидетельствовало о том, что в мире неспокойно из-за присутствия при дворе предателей. Многие простодушные люди верили всему, что говорили эти книжники.

Линь Юйцзэ тайно отправила людей из Дун-чана на проверку: оказалось, что они просто пришили коровий хвост к оленьему задку и выдали это за цилиня. Верх бесстыдства.

В сельских кабаках сказители принялись сочинять истории о том, как новый первый министр Ли льстит правительнице и творит зло. Правда, через несколько дней такие сказители бесследно исчезали, а позже их находили мертвыми со следами пыток.

Линь Юйцзэ тоже не сидела сложа руки. Она подняла дело об экзаменах полугодовой давности, обнаружив сотни случаев мошенничества, в которых были замешаны чиновники на местах и многие новые выпускники Академии Ханьлинь. По иронии судьбы, все уличенные в обмане оказались выходцами из Академии Дунлинь или тесно связанными с ней людьми.

Все они были приговорены к пятидесяти ударам палками и изгнаны из столицы без права занимать должности. Линь Юйцзэ одним махом выбила почву из-под ног у молодых кадров Партии Дунлинь.

С приходом зимы чжурчжэни вновь начали тревожить границы, занимаясь грабежами и убийствами. Партия Дунлинь настаивала на военном походе, чтобы продемонстрировать мощь Великой Ся, а Линь Юйцзэ выступала за открытие северной торговли и установление рыночных отношений с кочевниками.

Линь Юйцзэ обвиняла их в пустой болтовне, вредящей государству, а Партия Дунлинь в ответ клеймила её за пособничество врагу.

Внутри страны и за её пределами партийная борьба превратила армию, управление и финансы Великой Ся в хаос.

Полгода борьбы накопили в Линь Юйцзэ немало ярости. Наконец, в разгар зимы, когда позиции Дун-чана укрепились, она предложила провести Цзинча — аттестацию столичных чиновников, которая проходила раз в три года.

Цзинча была системой оценки чиновников, где по критериям четырех качеств и восьми методов определялось повышение или понижение по службе. Изначально задуманная для отбора талантов, она давно превратилась в инструмент борьбы с инакомыслием. Конфликт между Линь Юйцзэ и Партией Дунлинь стал непримиримым, и обе стороны использовали любые средства, чтобы подставить друг друга.

Императрица была на стороне Линь Юйцзэ, а та к тому же временно исполняла обязанности главы Министерства чинов. Эта аттестация стала для неё идеальным клинком.

Тюрьма Цзиньивэй.

Би Тао, помощник главы Далисы, был весь в крови. Приходилось признать: он оказался куда крепче, чем Тоба Цзянлань.

В камере горела тусклая свеча. Перед Би Тао вытянулась длинная тень. Ему не нужно было гадать, кто пришел.

— Я уже нашла доказательства вашей связи с морскими пиратами, — равнодушно сказала Линь Юйцзэ. — Лучше признайся во всём сам, сэкономь мне время.

— Линь Юйцзэ, у тебя сердце из железа? Ты совсем не помнишь старой дружбы с моим отцом, неужели ты готова уничтожить нас всех?

Би Тао, чье лицо превратилось в кровавое месиво, смотрел на неё с ненавистью.

— Старая дружба? — пробормотала Линь Юйцзэ, словно взвешивая это слово. — Господин помощник, это не я забыла о ней, а вы. Ваши доносы на меня уже забили целую комнату.

Би Тао широко открыл глаза, вперившись в неё:

— Ты хочешь прибрать к рукам всю прибыль от морской торговли, не побоялась даже отобрать должность у родного отца! Кто во дворце сможет терпеть такого подлеца?

Линь Юйцзэ постучала пальцами по железной решетке:

— Если вы не можете терпеть меня, то я, естественно, не могу терпеть вас.

Би Тао закричал громче:

— Но мы не хотели твоей смерти! Мы лишь надеялись, что старый господин Ли вернется на пост первого министра! А ты осталась бы при своей должности командующего Цзиньивэй.

Линь Юйцзэ насмешливо взглянула на него:

— Это вам так сказали ваши подельники? Ты и правда наивен. Если бы вы меня отстранили, разве оставили бы мне жизнь?

— Гэн Жуй пропала в прошлом месяце, — сказал Би Тао. — Это твоих рук дело?

Линь Юйцзэ со вздохом отозвалась:

— Я просила её говорить, но она молчала. Я человек жалостливый, но у неё оказался слишком крепкий рот. Она сама захотела покончить с собой, а я не лишена человечности — исполнила её желание. Видишь, раз она ничего не сказала, мне приходится беспокоить тебя. Если не заговоришь, придется идти к другим, а это так хлопотно.

— Ты так жестока к своим бывшим коллегам, — прохрипел Би Тао с красными от ярости глазами. — А Императрица потекает тебе! Зло восторжествовало, небесная справедливость

мертва!

Линь Юйцзэ усмехнулась:

— Справедливость? Дам тебе совет: даже если ты не выдашь Му Яна, я найду способ добыть доказательства против него. Не трать силы, дай нам обоим отдохнуть. Разве не лучше прийти к обоюдной выгоде?

— Тьфу! Бесстыдная девчонка!

Линь Юйцзэ невозмутимо стерла капли крови, попавшие на пол.

— Господин помощник, я восхищаюсь вашим мужеством. Не волнуйтесь, в будущих исторических хрониках ваше имя обязательно будет упомянуто. Я как раз взяла на себя обязанности по надзору за летописцами, велю похвалить вас в описании нашей эпохи.

Линь Юйцзэ перестала шутить и холодно скомандовала:

— Продолжайте допрос. Мне нужны показания как можно скорее.

— Слушаемся! — отозвались агенты Цзиньивэй.

Десять дней спустя, на утреннем приеме в зале Чунчжэн.

— ...Му Ян состоял в сговоре с врагами, доказательства неоспоримы. Он должен понести наказание.

Слова Линь Юйцзэ эхом разнеслись по залу, придворные из Партии Дунлинь уже пылали гневом.

— Госпожа Линь, вы утверждаете, что господин Му связан с пиратами, но есть ли у вас доказательства? Если нет, прошу восстановить его доброе имя!

Ха, нужны ли доказательства связи с пиратами? Это было так же бессмысленно, как доказывать, что солнце греет. У Линь Юйцзэ не было терпения препираться, и она приказала агентам Цзиньивэй втащить в зал человека.

Тот был в тюремной робе, весь в запекшейся крови. Чтобы не осквернять взор Императрицы, Линь Юйцзэ, как только все разглядели узника, приказала накрыть его белой тканью.

— Это признание Би Тао, — неспешно произнесла Линь Юйцзэ. — В нём он прямо указывает, что помощник министра ритуалов Му Ян в сговоре с алчными придворными помогал пиратам красть государственные средства.

Линь Юйцзэ подняла испачканный кровью лист бумаги, свидетельствующий о том, какие пытки пришлось пережить его автору.

<http://bllate.org/book/19929/1961116>